

СЕКЦИЯ 1. Культура: история, семиотика, этнография, этнология

Монина Н. П. Евразийское пространство русской культуры: истоки формирования и аксиологическая матрица

Современная ситуация столь явного противопоставления России и всего остального «цивилизованного» мира, ставит перед нами те же самые задачи и проблемы, что и перед мыслителями Древней Руси, философами XIX – XX вв., главный из которых – вопрос о сущности России, о месте России в континууме мировых цивилизаций, и, наконец, о месте русской культуры в системе Восток-Запад.

Проблема осмысления сущности русской культуры и русской цивилизации отнюдь не нова в науке. С начальных моментов своего существования Русь делало попытки рефлексии принадлежности своего государства к двум культурно-историческим мирам: Востока и Запада. Активизация философского осмысления сущности России в отношении дихотомии Восток-Запад приходится на 30-40-е гг. XIX века, когда формируются два противоположных лагеря в общественно-политической жизни России – западники и славянофилы. Каждый из них по-своему осмысливал место России в системе мировых цивилизаций. Новый виток осмысления геополитического места России в мире был предпринят в 20-е годы XX века в среде нового общественно-философского течения – евразийства, сторонники которого, опираясь на географическое положение России заявили о ней как о евразийском, срединном материке. П.Н. Савицкий, один из основоположников евразийства говорил: «Евразия цельна. И потому нет России «Европейской» и «Азиатской», ибо земли, обычно так именуемые, суть одинаково евразийские земли... Россия-Евразия есть «месторазвитие», «единое целое», «географический индивидуум», - одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т. д. и т.п. «ландшафт»» [1, с. 218]. В истории отечественной философско-культурологической и общественно-политической жизни данная проблематика отнюдь не снята с обсуждения. Среди современных сторонников евразийских взглядов можно назвать А.Г. Дугина,

А.С. Панарина, В.Я. Пашенко и др. Чем же вызвана «вечная» актуальность данной тематики и в чем предпосылки ее формирования в русской общественной мысли?

Традиционно исследователи евразийской сущности отечественной культуры и цивилизации говорят о промежуточном местоположении России между Европой и Азией. Большая часть западных регионов нашей страны расположена на Восточно-Европейской равнине, но более 13 млн кв. км – это азиатская территория, что, в свою очередь, составляет 1/3 всего пространства Азии, а такие величины игнорировать нельзя. Действительно, чисто географически наша страна находится на пересечении двух культурно-исторических миров, но ее величина столь огромна, что говорить о русской цивилизации исключительно как о некоей переходной сущности, о типе «пограничного» государства, пожалуй, будет неверно. Россия – слишком большая страна с очень древней историей, чтобы не иметь свой путь. Да к тому же, современная история знает всего два государства с более, чем 500-летней суверенной историей, одним из которых является Россия. Хотя, безусловно, архетип переходности органичен для отечественной культуры. «Славянство практически в течение всей своей истории оказывается неразрывно связанным с противоположными цивилизационными полюсами мира. Отсюда все изгибы и зигзаги его истории, особый драматизм его судьбы. Постоянно так или иначе воспроизводящийся модус переходности – это важнейший фактор бытия славянского культурного типа. Ни Запад, ни Восток никогда не исчезают из исторического горизонта восточного славянства» [2, с. 223].

Еще одной причиной формирования представления о евразийском характере русской цивилизации является, на наш взгляд, сам ход нашей истории. Уже с самого начала этой истории славянские племена, а затем и государственные образования в лице Киевской Руси, самостоятельных феодальных княжеств, Московского царства и т.д. постоянно сталкивались с внешними угрозами, исходящими как с востока, так и с запада. Восточное, степное, кочевое активное начало существовало во внешней политике Руси постоянно: половцы, печенеги, хазары, монголо-татары – вот неполный список наших восточных «друзей». Особое внимание следует уделить, конечно, монголо-татарскому игу,

господствовавшему на Руси более двух веков. Хотя, еще задолго до монгольского ига существует и постоянно возрастает «азиатский компонент» в русской истории, что, в частности, проявляется и в династических браках. Безусловно, столь активная восточная компонента не могла не отразиться на специфике русского государства и русского национального характера. Не менее активен был и «западный» вопрос во внешней политике Руси-России. Попытки поработить Русь известны еще со времен А. Невского, Ледового побоища, еще свежи в памяти две мировые войны, когда против России воевала, по сути, объединенная Европа. Причем, по своему характеру, военные столкновения и с востоком, и с западом, по словам В. Э. Багдасаряна, носили характер «цивилизационных войн». А главная задача войн такого типа – не просто захватить территорию, поработить народ, а, скорее, стереть с лица земли данную цивилизацию, культуру. Именно поэтому цивилизационные войны самые страшные и кровопролитные. По подсчетам известного отечественного историка С. М. Соловьева, «с 1055 по 1462 гг. Русь перенесла 245 нашествий. За период с 1365 по 1893 гг. – 305 лет Россия провела в войнах. Когда боевые действия не велись, над Россией фактически всегда нависал дамоклов меч военной угрозы» [3, с. 807].

Исторической предпосылкой формирования евразийского характера русской цивилизации и культуры является и, безусловно, христианизация Руси, точнее, крещение Руси от Византии, а не от Рима, как крестилась вся Европа. Да, безусловно, Византия в X веке – наиболее развитое государство, культурная столица мира, но на наш взгляд, помимо традиционных аргументов в пользу принятия христианства именно от Константинополя, есть еще один, не менее важный. Это – евразийский характер самой Византии. Географическое положение Византии, раскинувшей свои владения на двух континентах, делало эту империю своего рода связующим звеном между Востоком и Западом. Постоянное раздвоение между восточным и западным миром, скрещение азиатских и европейских влияний (с преобладанием то одних, то других) стало историческим уделом Византии. Евразийская сущность Руси явно проявилась даже в летописном предании о выборе веры князем Владимиром, когда он избрал ни западный вариант (римское христианство), ни чисто восточный, азиатский (ислам, иудаизм), а евразийский –

восточное христианство. Учитывая тот факт, что религия тогда играла главнейшую роль во всем социокультурном комплексе, следует отметить, что евразийский компонент проявляется здесь максимально.

Таким образом, и географически, и исторически территория Руси-России есть Евразия. Какова же аксиологическая матрица, сформированная в рамках евразийской цивилизации Руси-России?

Ощущая себя территорией единения двух миров: Востока и Запада, русская культура, безусловно, осознавала себя в планетарном масштабе. Отсюда и знаменитый русский мессианизм, существенно отличающийся от европейского, шире – западного. Россия осознается скорее, как незримый центр, как «нечто неосязаемое, полное отрицание земной империи» [4, с. 78]. Провозглашение Москвы третьим Римом произошло не из гордости или желания декларировать свои амбиции, но «было формой, с помощью которой она демонстрировала свою верность эпохе первоначального христианства и вселенских Соборов, когда сохранялось единство христианского мира, а также пыталась осознать свое место в мировой истории, положение Москвы в ряду мировых священных центров и церковных престолов после катастрофы 1453 года» [5, с. 12]. Провозглашение себя страной, ответственной за судьбы мира, не сулило материальных прибылей, не гарантировало преуспевающего положения метрополии, а, скорее, накладывало тяжелейший груз ответственности за все, что происходит в мире. А потому русский мессианизм – это не идея превосходства, (как, например, сегодня трактуют мессианизм США), а идея тяжелого труда во имя мира, для продолжения истории. В контексте мессианского мировоззрения формируется идея нравственной ответственности за судьбы мира, нравственная аксиологическая доминанта как собственного бытия, так и отношения к другим странам, цивилизациям и народам, выражающаяся во внешней политике.

Постоянное бытие на границе, перманентные военные конфликты формировали в ценностной матрице русской цивилизации такие черты как открытость, стремление к бесконфликтному существованию и вытекающую отсюда евразийскую по своему характеру доминанту многообразия, в

отличие, например, от классических цивилизаций, где доминирующим является начало целостное, единое.

Следствием евразийского выбора веры для Руси-России становится и примат абсолютных ценностей Красоты, Добра и Истины, идея соборного бытия, ориентация на мир горний, а отсюда и невнимание к земному, материальному миру, аскетизм. Вспомним в данном контексте слова Иоанна Богослова, вещавшего: «Дети, не любите мира, ни того, что в мире», именно эти слова становятся духовной максимой православной Руси.

В целом, следует отметить географическую и историческую обусловленность евразийского характера русской цивилизационной модели. А потому споры, идущие вокруг извечного вопроса: «Что есть Россия – Восток или Запад?», по нашему мнению, имеют один ответ: «Россия есть ни Восток, ни Запад, Россия – это Евразия, абсолютно самостоятельная цивилизация и культура». В контексте этой цивилизационной сущности сложились определенные аксиологические доминанты, отличающие нашу культуру как от западной, так и от восточной культур.

Литература

1. Мир России - Евразия: Антология / Сост.: Л. И. Новиков, И. Н. Сиземская. - М., 1995.
2. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: моногр./ под ред. д-ра философ. наук, проф. Ч. С. Кирвеля. – Гродно, 2009.
3. Багдасарян, В. Э. Государство и ценности: российская модель / В. Э. Багдасарян // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. - Великий Новгород. М., 2013.
4. Нарочницкая, Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н. А. Нарочницкая. – М., 2003.
5. Сеницина, Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV – XVI вв.) / Н. В. Сеницина. - М., 1998.

Кедрык Т. В. Аднаўленне замкаў Беларусі: сацыяльнае і культурнае вымярэнне

Адным з прыярытэтных напрамкаў дзяржаўнай палітыкі Рэспублікі Беларусь і перадумова яе ўстойлівага развіцця